

Т.В. Гросевич

Прикарпатский национальный университет

**Семейные романы Анатолия Димарова
в оценке критиков и литературоведов**

Аннотация: В статье прослеживается эволюция взглядов критиков и литературоведов на семейные романы Анатолия Димарова.

The paper traces the evolution of the views of critics and specialists in literature on the family novels of Anatoliy Dimarov.

Ключевые слова: роман, семейный роман, романистика, жанр, рецепция, оценка, критика, идеология.

Novel, family novel, Romance philology, genre, reception, assessment, criticism, ideology.

УДК: 821.161.2:82-31

Контактная информация: Украина, Ивано-Франковск, ул. Шевченка, 57. ПНУ, кафедра украинской литературы. Тел. 380 (342) 596074. E-mail: grostar@ukr.net.

Романное наследие украинского писателя Анатолия Димарова, насчитывающее четыре произведения: семейные романы «Его семья» (1956) и «Идол» (1961), роман-трилогия «И будут люди» (1964, 1966, 1968), роман-эпопея «Боль и гнев» (1 кн. – 1974, 2 кн. – 1980) – нашел неодинаковую и противоречивую оценку в украинском и отечественном литературоведении. На наш взгляд, такой дуализм мнений был вызван прежде всего двумя факторами: разным художественным уровнем романов (семейных, например) и идеологически ангажированной литературно-критической их рецепцией. И, собственно говоря, как справедливо замечает литературовед Григорий Штонь, «наше литературоведение и критика о Анатолии Димарове писали мало, а если и писали, то об отдельных только произведениях, не рассматривая их у восходящей их целостности и взаимообусловленности» [Штонь, 1987, с. 147].

Романы писателя на семейную тему в разное время становились объектом исследования ученых И. Бошка [Бошко, 1956], К. Волинского [Волинский, 1956], В. Дончика [Дончик, 1987], Б. Комановского [Комановский, 1956], М. Корецкой [Корецкая, 2011], А. Костенко [Костенко, 1972], В. Костюченко [Костюченко, 1982], К. Ломазовой [Ломазова, 1985], Ф. Львовой [Львова, 1983], В. Панкеева [Панкеев, 1955], М. Слабошпицкого [Слабошпицкий, 2006], Г. Штона [Штонь, 1987] и других.

Цель нашего исследования – проследить эволюцию взглядов критиков и литературоведов на семейные романы «Его семья» и «Идол».

Итак, дебютировал Анатолий Димаров у жанре большой эпической формы в 50-х годах романом «Его семья» (1956). По Виталию Дончику, это было «время количественно и качественно интенсивного – по сравнению со всей предыдущей историей украинской литературы – развития романа...» [Дончик, 1987, с. 187]. В нем внимание было приковано к человеку, его жизни, что и определяло основное направление романских проб большинства прозаиков этого времени. Поэтому

в конечном итоге в центр критических размышлений и обсуждений большинства литературоведов ставились проблемы отдельного, конкретного и общего, личного и общественного, их единства и взаимообусловленности, преодоление разного рода искажений и деформаций, которые наблюдались в сфере «индивидуальное / коллективное».

Первый роман Димарова «Его семья» «был бит» за якобы неправдоподобность в изображении советских людей, которые, по мнению критиков, «не могли ссориться, не могли расставаться» [Слабошпицкий, 2006, с. 23], мол, советская семья – крепкая и неразлучна. Соответственно главный редактор журнала «Днепр» Александр Пидсуха отказался печатать вторую часть романа, посоветовав автору изменить конец произведения: вместо развода героев – на их примирение. Изменение концовки потянула за собой целый ряд неоднозначных замечаний рецензентов вроде «убедительнее мотивировать поступки героев» [Бошко, 1956, с. 178]. Также критики ошибочно приписывали писателю неполноту отражения жизни и журналистской деятельности советских корреспондентов [Комановский, 1956, с. 169], инкриминировали огрехи в «упрощенно прямолинейном изображении чувств и поступков героев» [Волинский, 1956, с. 6], в перенасыщении морализаторскими суждениями, в недостаточной пластичности, объемности повествования, в неточности построения фабулы [Комановский, 1956, с. 168], в засорении языка [Львова, 1963, с. 171], в том, что произведение «перегружено бытописанием, частностями, за которыми порой теряются гражданские позиции» [Костюченко, 1982, с. 7].

В разгромной рецензии Евсея Круковца на «Его семью» говорилось, что автор «с головой нырнул в мещанское болото, что не заметил жизни» [Димаров, 1998, с. 24], в конце – рецензент поставил риторические вопросы: «Где А. Димаров нашел таких ущербных морально героев? На которой помойке он их подобрал?» [Там же, с. 24]. Как видим, в этих замечаниях теряется любая толерантность к автору романа, гуманизм критического материала, не говоря уже о необъективности оценочных суждений.

Бывало, непрофессиональная и поверхностная критика в своих утверждениях доходила даже до абсолютного абсурда, обвиняя автора в том, что он, мол, «заставил главного героя “Его семьи” изнасиловать... свою невесту» [Димаров, 2006, с. 755].

В разведке «Анатолий Димаров. Литературный портрет» [Штонь, 1987] уже упомянутый нами Григорий Штонь справедливо утверждает, что литературоведы не замечают в романе и основной сюжетной канвы – рост и спад ежедневных переживаний и чувств двух, духовно ограниченных, людей, которым свойственны ревность, эгоизм и предрассудки.

Конструктивная критика пыталась глубже интерпретировать роман. Так, В. Панкеев в статье «Живые семьи и художественные схемы» [1955], вышедшей в московской «Литературной газете» положительно отозвался о романе, взяв его практически под свою защиту. И так, за Панкеевым, позицией которого, по убеждению Штона, пренебрегали литературоведы, «достоинство романа в том, что он полемический, поскольку направлен против ханжеского морализаторства, которое наносило нашей литературе огромный вред сужением ее «жизненного горизонта» [Там же]. К сожалению, наше отечественное, впрочем, и украинское литературоведение этой существенной мысли своего московского коллеги не заметило, не поддержало и не развило.

В статье «Своя дорога, свой голос» [Костенко, 1972] литературовед Анатолий Костенко, акцентируя на нарушении романом проблем семейного характера, утверждает, что в «Его семье» центральным и «болезненным» одновременно является вопрос о единстве и нерушимости семьи, что в «описании процесса разрушения семьи Горбатюкова чуть ли не самым характерным является то, что оно, это разрушение, происходило без видимых причин, без штампованных ситуаций,

иногда выставляемых в произведениях на эту тему» [Там же, с. 127]. Согласимся с мнением Костенко и добавим, что это «единство» и «разрушение», на наш взгляд, — ключевая дилемма-антитеза вокруг семейного конфликта романа украинского писателя.

Другой литературовед, Кира Ломазова, анализируя прозу Димарова, частично прибегая к абсолютизации стиля «Его семьи», отмечает особенность творческой манеры писателя в этом романе. Но, несмотря на это ученый видит в описании характеров главных героев и определенные недочеты: «...В этом романе писатель только шел к умению передавать характеры; черты эгоизма искусственно выхвачены из того неповторимого комплекса особенностей, привычек, наклонностей, образующих человеческую натуру» [Ломазова, 1985, с. 131].

Виктор Костюченко рассматривает роман «Его семья» в контексте таких произведений на морально-этическую тему, как «Сальвия» Василия Козаченка, «Подробности письмом» Ярослава Гримайла, «Разлука» Любомира Дмитерка. По Костюченко, позитив романа еще и в том, что автор избежал «бесконфликтности, описательности и чрезмерной лиризации — недостатков, которые иногда сказались на произведениях украинской прозы 50-х годов» [Костюченко, 1982, с. 7].

Роман «Его семья» впервые становится предметом комплексного анализа в научной разведке «Жанрово-стилевые особенности романа Анатолия Димарова «Его семья» [Корецкая, 2011] современной исследовательницы Марины Корецкой. Автор статьи приближает роман Димарова к жанровому виду романа воспитания, рассматривает произведение сквозь призму бахтинской теории романов воспитания и в итоге замечает, что роман способствует «осовремениванию традиционного романа воспитания» [Там же, с. 156]. Мы же придерживаемся того мнения, что дефиницию «роман воспитания» правомернее, а то и вполне закономерно адресовать другой эпической форме Димарова «Идол» (о нем речь пойдет ниже) — романе о развитии и формировании личности (героини Лары), ведь характеры персонажей (Якова и Нины) «Его семьи» более статичные и «морально ушербленные», не являются носителями воспитательной стратегии.

Подобного литературно-критического осмысления испытал и роман «Идол» (1961), который оказался «беспрецедентно смелым даже для всеобщественной атмосферы, что утвердилась в стране после XX съезда КПСС» [Штонь, 1987, с. 52]. Он имел широкую известность и получил читательский интерес в Украине, а в Москве ему была посвящена конференция. Несмотря на ажиотаж, вызванный появлением «Идола», критика оказалась суровой и к нему. Упрекали за то, что Димаров «не показал в произведении роли пионерской и комсомольской организаций в воспитании девушки» [Димарова, 2007, с. 35], что мать, мол, не в силах воспитать ребенка, не являясь гражданско-активной личностью [Львова, 1963, с. 169] и т. п.

Как следствие в некоторой степени искаженного литературно-критического восприятия, роман называли «мещанским», а его автора, соответственно, «мещанином», поскольку изобразил лишь семейные проблемы, а не строителей социализма.

К язвительной критике романа «Идол» присоединился и один из «самых активных» рецензентов произведений Димарова Евсей Круковец. «Где Димаров видел такие семьи?» — спрашивал он в разгромной статье. — Мол, советская семья таковой быть не может, это для советской действительности нетипично» [Димаров, Кухарук, 2006, с. 6]. Мы считаем, что Анатолий Димаров показал семью такой, какой она представлялась в действительности, или, как минимум, отдельные примеры такой, но совсем не такую, какой хотела видеть советская идеологически-педагогическая доктрина.

Ходили также абсолютно ангажированные критические замечания, авторы которых, найдя в контексте малейшую деталь, и, взяв ее себе на вооружение, «раздували» ее чуть ли не до антикоммунистических масштабов. Вот пример:

«Димаров заврался, пишет недопустимые вещи, вы только представьте, выходят из партийных собраний коммунисты на перерыв и друг другу рассказывают анекдоты» [Коскин, 2010].

Сравнивая роман с предыдущим произведением Димарова «Его семья», тот же В. Костюченко справедливо отмечает, что «Идол» в своей обличительной основе острее, ярче и выразительнее. Проследивая путь моральной деградации главной героини Лары, персонажа, по словам литературоведа, нетипичного, а на наш взгляд, еще и противоречивого, автор соображений частично выходит с точки зрения его (персонажа) несоответствия советской действительности, когда говорит о героине, что «таких были единицы, кто изменил себе, школе, советским идеалам» [Костюченко, 1982, с. 7].

О дилемме типичности / нетипичности воспроизведенных в романе событий с Костюченко частично дискутирует Кира Ломазова, выражая почти противоположное мнение, суть которого заключается в воссоздании автором типично современной ситуации, если смотреть на нее глазами времен Второй мировой войны, а случаи постоянных материнских жертв, поблажек детским прихотям и т. п. могли, по мнению Ломазовой, случаться и до, и после войны.

Сам писатель о слабых сторонах своего романа так отзывается: «Сейчас, возможно, я его по-другому писал бы, ведь книга немного прямолинейная, с искусственными сценами, но написана искренне. Словом, на уровне письма, которым я тогда владел» [Гросевич, 2010, с. 5].

Итак, в литературно-критических статьях 50-х и более поздних годов, посвященных романам «Его семья» и «Идол», ощущается заметный негативный «привкус». Рецензенты требовали от Димарова следовать образцам так называемой «грамматической этики» (Д. Улицкая), которая тяготела «до стабилизирующих определений и решительных ответов, сформулированных в обучающем стиле выводов» [Улицкая, 2006, с. 393]. Официальная критика 60 – 70-х годов также не сумела найти «ключ» к пониманию семейных романов, идентифицируя в произведениях «морально-этическое идеологическим». Разведки 80-х годов – начала XXI века, как правило, относили «Его семью» и «Идола» до «натуралистических и сентиментальных ответвлений», к романам с «душещипательными» сюжетами о «встречах», «фразлуках» и «перепутьях» [Дончик, 1987, с. 219]. Права Марина Корецкая, что «приоритетность «идеологически-регулирующих» усилий в практике советских литературоведов вызвала вынесения на периферию объективного научного осмысления» [Корецкая, 2011, с. 153] семейных романов Димарова.

В конце концов, роман, затрагивающий многие важные морально-этические проблемы, так и не испытал должного осмысления критикой, в суждениях которой преобладал идеологический элемент, что, собственно, и не было странностью для того времени.

Литература

- Бошко И. «Его семья» // Советская Украина. 1956. № 5. С. 171–78.
- Волынский К. Замыслы и характеры // Литературная газета. 1956. 5 апреля. С. 6.
- Гросевич Т. Анатолий Димаров: «Я всю жизнь жил, как вояки ОУН-УПА, под псевдо»: [интервью с писателем Анатолием Димаровым] // Литературная Украина. 2010. 9 декабря. С. 1, 5.
- Димаров А.А. Послесловие // Димаров А.А. И будут люди. Роман. К., 2006. С. 749–756.
- Димаров А.А. Прожить и рассказать: Повесть о семидесяти годах / Предисловие М. Слабошпицкого. К., 1998.
- Димаров А., Кухарук Р. О читабельности литературы и не только / Записала Оксана Михальчук // Курьер Кривбасса. 2000. № 125–126. С. 3–10.

- Димарова Е.Н. Непокойная моя судьба: воспоминания. К., 2007.
- Дончик В.Г. Украинский советский роман: Движение идей и форм. К., 1987.
- Комановский Б. Когда сталкиваются два решения // Дружба народов. 1956. № 9. С. 167–169.
- Корецкая М. Жанрово-стилевые особенности романа Анатолия Димарова «Его семья» // Современные проблемы языкознания и литературоведения. Ужгород, 2011. Вып. 15 / Отв. ред. И.В. Сабадош. С. 153–157.
- Коскин В. Анатолий Димаров: «Я всю жизнь собираю человеческие судьбы»: [интервью с писателем Анатолием Димаровым] // Украинская литературная газета. 2010. 30 августа. С. 7.
- Костенко А. Своя дорога, свой голос // Днепр. 1972. № 6. С. 126–128.
- Костюченко В. Анатолий Димаров: [предисловие] // Димаров А.А. Избранные произведения: В 2-х т. К., 1982. Т. I: Его семья. Идол: Романы. С. 5–12.
- Ломазова К. По строгим меркам военного времени // Киев. – 1985. – № 4. С. 125–132.
- Львова Ф. «Так называемая моральная тема» // Радуга. 1963. № 5. С. 168–171.
- Панкеев В. Живые семьи и художественные схемы // Литературная газета. 1955. 15 ноября.
- Слабошпицкий М. Отрицание отжившей практики и жажда новых открытий // Украинский язык и литература в школах, гимназиях, лицеях, колледжах. 2006. № 7–8. С. 20–32.
- Улицкая Д. Этический поворот в литературоведческих исследованиях // Литература. Теория. Методология: пер. с польск. С. Яковенка / Упоряд. и науч. ред. Д. Улицкой. К., 2006. С. 389–414.
- Штонь Г.М. Анатолий Димаров: Литературный портрет. К., 1987.